

*В. Зеннхаузер, И. В. Ларионова**

РУССКАЯ ДУША — ШВЕЙЦАРСКОЕ СЕРДЦЕ

Статья посвящена жизни и деятельности швейцарского философа российского происхождения, первой в Европе женщины-профессора Анны Тумаркиной. В статье рассказывается о широчайших научных интересах, особенностях преподавательского метода, о взглядах и отношении к мыслителям самых разных эпох этой удивительной женщины. Глубокое представление о мировоззрении Тумаркиной дает ее книга «Романтическое мировоззрение», в которой философ исследует неоднозначное влияние романтиков на историю культуры и демонстрирует критический подход к их мировосприятию. Далее подробно говорится о последнем произведении Анны Тумаркиной «Суть и становление швейцарской философии», где автор положительно оценивает демократизм, реалистичность и самокритику мышления швейцарцев. В статье особое внимание уделяется отношению Тумаркиной к России, своей первой родине, о которой она никогда не забывала.

Ключевые слова: Анна Тумаркина, философия, Платон, романтизм, швейцарская философия, Цвингли.

W. Sennhauser, I. B. Larionova
RUSSIAN SOUL — SWISS HEART

The article is devoted to the life and work of Anna Tumarkin, the Swiss philosopher of Russian origin and first woman-professor in Europe. The article tells about the broad scientific interests of this amazing woman, the features of her teaching method, her views and attitudes towards thinkers of different eras. In her book about romanticism the philosopher explores the ambiguous influence of romantics on the history of culture and demonstrates a critical approach to their worldview. Further we tell about the latest work of Anna Tumarkina «Essence and formation of Swiss philosophy», where the author positively assesses democracy, realism and self-criticism of Swiss thinking. At the end the article pays attention to Tumarkin's attitude to Russia, her first homeland, which she never forgot about.

Keywords: Anna Tumarkin, philosophy, Plato, romanticism, Swiss philosophy, Zwingli.

* Зеннхаузер Вальтер, магистр теологии, магистр математики; walter.sennhauser@yandex.ru, Ларионова Ирина Викторовна, аспирантка, Русская христианская гуманитарная академия.

Высшее образование — опасная вещь. Оно делает человека более критичным и самостоятельно мыслящим и это, как заметил уже Платон («Правителям, я полагаю, просто невыгодно, чтобы у их подданных рождались высокие помыслы» (Пир. 182с)), часто не нравится правителям. Так, в России XIX в. высшее образование было доступно далеко не всем, особенно это касалось женщин, для которых двери университетов были закрыты. Уделом женщины оставалось сидеть дома и не вмешиваться в политику и науку. Но далеко не все были готовы мириться с этим. Многие русские девушки, особенно из дворянской среды, с «великим увлечением» [4, с. 94] читали книгу о маленькой стране в центре Европы — Швейцарии. В этой стране «каждый человек свободен, нет ни аристократии, ни пауперизма, ни постоянной армии» [3, с. 9], здесь «свобода слова и печати вполне гарантирована, также как свобода сходов и собраний» [3, с. 117]. Самые красивые здания в Швейцарии — это не замки и дворцы, а школы и университеты [3, с. 235]. Неудивительно, что русские девушки, у которых существовала такая возможность, уезжали в этот оплот свободы и поступали в университет Цюриха, где получали не только великолепное образование, но и свободу слова и собраний. Здесь создавались студенческие клубы, в которых собиралась молодежь для обсуждения социальных и политических вопросов русской жизни. Эта ситуация, естественно, не устраивала российские власти, для которых Цюрих стал вредоносным «рассадником революции», и осенью 1872 г. царь Александр II издал указ, согласно которому русским студентам было запрещено учиться в Цюрихе. Но хитроумные студенты нашли выход: в указе говорилось только о Цюрихе, поэтому многие из них просто перешли в маленький университет Берна, столицы Швейцарии. В те годы в Берне училось большое число выходцев из восточной Европы, особенно евреев, искавших большей свободы и равноправия. Можно сказать, что с 1880-х до Первой мировой войны «Швейцария играла важную роль в поглощении иммигрантов. Несмотря на периферийное местонахождение по отношению к главным маршрутам миграции, эта небольшая страна с ее либеральной политикой в отношении иностранцев стала ключевым направлением для студентов, революционеров и путешественников» [5, 4UG].

Одной из них была Анна Эстер Тумаркина, при поступлении в университет Берна написавшая о себе следующее:

Меня зовут Тумаркина Анна-Эстер. Я родилась 16 февраля 1875 года в Дубровно Могилевской губернии (Россия). Являюсь дочерью Павла Тумаркина и Софии (урожденной Герценштейн), еврейского происхождения и вероисповедания (<http://www.interlit2001.com/tumarkina.htm>).

Ей было тогда 17 лет. В университете Берна она ревностно изучала философию, германистику и историю, и дополнительно французский, английский, латинский и греческий языки, и все это на самом высоком уровне. Уже через три года она защитила диссертацию по теме «Гердер и Кант» с оценкой *summa cum laude* (с наибольшим почетом). После чего Анна Тумаркина, или, на немец-

кий манер, Анна Тумаркин, продолжила образование в Берлине, где особенно сильное влияние на нее оказал Вильгельм Дильтей.

Ступень за ступенью Тумаркина одолевала лестницу университетской карьеры. Вернувшись в Берн, она защитила докторскую диссертацию «Принцип ассоциации (Assoziationsprinzip) в истории эстетики» и в 1898 г. получила право преподавать (*Venia docendi*) историю философии Нового времени, в частности эстетики. Ее лекции сразу же начали пользоваться большой популярностью, один из студентов вспоминал:

От нее мы узнали, что это значит: читать. Ее сократические вопросы — что вы имеете в виду?, что вы хотите, собственно, сказать? — запутывали и привлекали нас. Мы страстно переживали мысли и чувства великих философов, мы учились их понимать, следовательно, они касались нас лично [8, с. 166].

Университетский профессор Альберт Дэбруннер писал об Анне Тумаркиной:

Рваться вперед или играть ведущую роль — все это не соответствовало ее скромному характеру. Именно скромность, в сочетании с всеобщим уважением к ее личности и деятельности, давала ее высказываниям, когда она брала слово, сильный вес [8, с. 170].

Отсюда понятно, почему один из учеников Тумаркиной, американский профессор философии Г. Э. Мюллер, считал ее «самым дорогим подарком, который необъятная Россия сделала маленькой Швейцарии» [7].

1909 г. стал особенным в истории бернского университета — сразу три знаменательных события произошли в его стенах: Альберт Эйнштейн, к тому времени уже весьма известный ученый, начал преподавать теоретическую физику и именно здесь разработал свою теорию относительности; бернский хирург Теодор Кохер получил Нобелевскую премию по медицине; Анна Тумаркина стала первой в Европе женщиной-профессором, получившей место в университетском Сенате вместе с правом принимать докторские экзамены и рецензировать диссертации (Софья Васильевна Ковалевская была первой в России и в Северной Европе женщиной-профессором (и первой в мире женщиной-профессором математики), но у нее не было данного права, которое, по западным правилам, необходимо для «настоящего» профессора). Это назначение вызвало настоящую сенсацию в Европе, хотя, к сожалению, были и недоброжелатели, считавшие молодую еврейскую женщину из России недостойной звания профессора. Кроме того, многим из них не нравилась собственная Тумаркиной смелость в публичных высказываниях — об этой черте писал один из ее слушателей: «Душевная порядочность, неизменная честность ее суждений и подлинное почтение к философскому тексту уживались в ней с почти режущей остротой критических высказываний» (Ганс Штрам в докладе, прочитанном в 25 января 1952 г. в собрании бернского психологического и философского общества; цит. по: [6, с. 151]). Понятно, что далеко не все могли стерпеть подобную критику молодой коллеги, например, в своих воспоминаниях историк Г. О. Гордон упоминает философа Г. И. Челпанова, который в качестве аргумента против Тумаркиной заявил: «Да, знаете ли, Тумаркина

даже и не женщина, а мужчина, у нее усы растут» [2, с. 88] (сам Гордон, считавший Тумаркину «талантливой русской еврейкой», писал: «Она прочитала небольшой курс лекций (публичных) о Спинозе и выпустила его отдельной книжкой. Книжка была чрезвычайно ясным и художественным изложением философии Спинозы, стояла на большой научной высоте и основывалась на отличном знании литературы предмета» [2, с. 88]).

Хотя Анна Тумаркина владела огромными познаниями практически во всех областях философии, ее научные приоритеты со временем изменялись: сначала эстетика, потом психология, а после 1937 г. — швейцарская философия.

* * *

В 1921 г. в возрасте 46 лет Анна Тумаркина, которая уже давно считала Швейцарию своей второй родиной, получила швейцарское гражданство, поскольку ее российское гражданство в связи с политической ситуацией было утеряно. Что касается личной жизни, то замуж Тумаркина так и не вышла, а жила со своей подругой Идой Хофф, тоже еврейкой, работавшей школьным врачом в Берне. Об их интересных и плодотворных отношениях швейцарский историк Ф. Роггер пишет:

По характеру и склонностям Анна Тумаркина и Ида Хофф были совсем разными людьми. Хофф твердо стояла обеими ногами на земле и легко справлялась с практическими нуждами повседневной жизни. Тумаркина, наоборот, была немножко «не от мира сего» и, обладая преимущественно абстрактным мышлением, стремилась к философскому осмыслению жизни. <...> В то время как Ида восхищалась эрудицией подруги, непрерывным блеском ее острого ума и никогда не ослабевающим интересом к научной деятельности, Анна наслаждалась повседневной защищенностью, которую предлагала ей заботливая Хофф [9, с. 111].

В то же время Хофф старалась заинтересовать Тумаркину реальной жизнью людей, их положением в социуме, и этим она неосознанно помогала своей подруге-философу следовать Платону, не советовавшему философам «оставаться на вершине, из нежелания спуститься снова к тем узникам [т. е. «людям непросвещенным и не сведущим в Истине»], и, худо ли бедно ли, они должны будут разделить с ними труды их и почести» (Государство. 519b–d). Анна была всегда далека от политики, но Иде Хофф удалось пробудить в Тумаркиной интерес к швейцарской политике в области прав женщин («В российском политическом эмансипационном движении мужчины и женщины вместе боролись за свои идеалы, поэтому исключительно женская солидарность была непривычна Анне Тумаркиной, но постепенно она смогла увлечься своеобразным характером швейцарских женщин, их настоящими политическими интересами и их деятельною помощью всему обществу в целом» [31, с. 18]): в 1928 г. Анна написала статьи «Право голосования женщин» и «Взгляд на духовную жизнь швейцарских женщин», а также составила каталог женской политической литературы для выставки женского движения как представительница научной стороны.

Бурные события XX в., затронувшие жизни миллионов людей, не оставили в стороне и Анну Тумаркину. Она близко к сердцу принимала бедствия своей первой родины в годы революции и Гражданской войны, а также приход на-

ционал-социалистов к власти в соседней Германии (после первой мировой войны, в 1919 г., в предисловии к своей книге о романтизме Анна Тумаркина упоминает о «невзгодах времени», из-за которых публикация книги была отложена на несколько лет). Как и ее подруга Ида, Анна была потрясена созданием лагерей смерти и массовым уничтожением евреев в период Второй мировой войны. Последние годы Тумаркиной были омрачены событиями в России, она тяжело переживала удары, которые обрушила на СССР гитлеровская Германия. По словам биографа Тумаркиной Роггер, «она всегда поддерживала своих родственников, свою душевнобольную сестру Розу, живших в Кишиневе. Мучительно переживала она страшную участь членов семьи, уничтоженных нацистами, а также известие о разрушении своего родного города» [8, с. 171]. Нервное напряжение подорвало здоровье Тумаркиной и в 1943 г. она оставила свою профессорскую деятельность [1]. Анна страдала элевангиозом (чрезмерным утолщением тканей), свои последние лекции она читала с покрытым вуалью лицом. Ее преданная подруга Ида, врач по профессии, ухаживала за ней до последних дней. 7 августа 1951 г. Анна Тумаркина, после долгих лет страданий, умерла в возрасте 77 лет в медико-социальном учреждении в Гюмлингене. Но она не забыта, швейцарцы помнят имя Тумаркиной — в 2000 г. в ее честь пешеходная дорожка у главного здания университета Берна получила название «Tumarkinweg».

* * *

Особенностью Анны Тумаркиной являлось стремление заниматься философскими вопросами как можно более непредвзято, беспристрастно. Очень важно было для нее принимать авторов и собеседников всерьез, т. е. действительно понимать, даже сочувствовать их мыслям, вопросам, стремлениям. Она считала, что на первом этапе философского исследования наша собственная позиция должна отходить, насколько это возможно, на задний план, нельзя позволить первым личным впечатлениям влиять на нашу оценку. Так, например, Тумаркина много лет находилась под сильным впечатлением, которое Дильтей оказал на нее во время учебы в Берлине, но позднее она почувствовала потребность «понять жизнь Дильтея из его собственной перспективы» — таково название ее книги [27].

Эта потребность — принимать собеседника всерьез и понять его «из него самого» прежде, чем считать оправданным свое собственное мнение, — была для нее очень важна. Она критиковала Аристотеля за то, что тот в своих нападках на учение Платона о Душе не пытался понять Платона в единстве его мышления и, будучи равнодушным к этому единству, отстаивал собственную точку зрения, зачастую искажая дословный текст самого Платона [20, с. 22]. В своей работе Анна Тумаркина придерживалась противоположного подхода. Например, в отличие от некоторых комментаторов, рассматривавших платоновский «Федр» в виде неоднозначного и необозримого диалога и квалифицировавших данный диалог как еще несовершенное творчество юного Платона, Тумаркина прежде всего искала целостность его творения, стремясь увидеть диалог органично разделенным на части, но по своей сути единым целым, следуя здесь самому Платону («Всякая речь должна быть составлена,

словно живое существо, — у нее должно быть тело с головой и ногами, причём туловище и конечности должны подходить друг другу и соответствовать целому» (Федр. 264с)). И действительно, если, «полагаясь на философскую и художественную величину» автора, принять платоническое требование целостности как руководство в работе исследователя, то «Федр предстает перед нами как произведение максимальной однородности философского содержания и почти математической архитектоники композиции» [20, с. 17].

О стремлении Анны Тумаркиной понять изучаемого автора прежде, чем критиковать его, ярко свидетельствует ее книга о романтизме. Наша героиня тщательно исследует все аспекты и оттенки взглядов различных предшественников романтизма — поэтов и философов, таких, как Шлегель, Новалис, Тик, Шлейермахер. Тумаркина описывает привлекательные черты, «любезную сторону» романтизма: акцент на чувство и беспредельную фантазию, на возвышенность душевных порывов. Романтики ищут тайну жизни, которую невозможно рационально постичь, но можно мистически прочувствовать и получить неповторимое субъективное впечатление. Эта «безмятежная беззаботность» [17, с. 122], уводящая человека подальше от «бренного» мира, кажется заманчивой и прекрасной. Но существуют проблематические аспекты романтизма, и о них Анна Тумаркина пишет подробно, прямо и настоятельно. Критическое отношение к миропониманию романтиков она иллюстрирует цитатой из «Зеленого Генриха» Готтфрида Келлера: «Пусть они [т. е. такие чувства, как счастье и несчастье, радость и горе, веселье и уныние] кипят и бурлят в груди, пусть сжимают горло. Но голова должна быть выше — до самой смерти!» [17, с. 17] Тумаркину беспокоит, что на место объективных ценностей романтики ставят чувства, этим они подрывают основы познания и тем самым разрушают уверенность в наших суждениях, что приводит к дезориентации в жизни [17, с. 133]. Они «мечтательно проводят свою жизнь, потому что сновидение кажется им отдыхом от напряженной работы дня, а теневые образы мечтаний для них дороже, чем реальные ценности действительности, не поддающиеся игре воображения» [17, с. 124]. В этой связи философ отдает должное Шлейермахеру, творчество которого не лишено романтического мистицизма, но «классическое образование и изучение Платона держат его так же далеко от чувственного субъективизма Новалиса, как и от индивидуализма Шлегеля» [17, с. 80]. Тумаркина поддерживает Шлейермахера в его готовности продумывать трудные вопросы существования, а не уезжать от них, поскольку уверена, что «реальная жизнь с ее бедами и трудностями не терпит методической неопределенности» [18, с. 53].

Игривой легкости романтиков Анна Тумаркина противопоставляет философию, опирающуюся на незыблемый фундамент научного метода:

Философия, по отношению к ее методу, является наукой; но она, в отличие от других наук, нацелена на формирование мировоззрения, путь к которому проходит через систематическое доказательство, и этот путь нельзя сократить ни непосредственным жизненным чувством, ни необоснованным убеждением (Курсив наш. — Авт.) [18, с. 3].

Такой подход Тумаркина находит в мышлении Платона и Канта, двух философов, которыми она интенсивно занималась всю свою жизнь, высоко

оценивая их критический метод, который, по словам Тумаркиной, «представляет нам всем нашу философскую совесть» [18, с. 3]. Эта «совесть» заключается в стремлении определить возможности и границы нашего разума прежде, чем осмелиться «мыслить природу как некую первоначальную, универсальную целостность, из которой возможно понимать все действительное» [25, с. 95]. Анна Тумаркина подчеркивала неизменность и цельность «доброевещного» систематического метода Платона, цельность, подобную которой «едва ли можно встретить еще раз в истории философского мышления» [28, с. 107].

Платон играет основополагающую роль и во многих других работах Тумаркиной. Например, в своих размышлениях о научной психологии она выступает против доминировавшего в то время в научных кругах генетического метода, рассматривающего сознание в его развитии от низшей ступени к высшим духовным достижениям; на его место философ ставит «психологию сверху», которая стремится понять психические функции через цели и задачи, для выполнения которых эти функции были предназначены. По словам Анны Тумаркиной, это

на самом деле тот же метод, который употребляет уже Платон, когда он, чтобы распознать справедливость личности, рассматривает справедливость государства и находит ее в правильном соотношении сословий, представляющих различные функции государства. Таким образом, различные сословия в государстве Платона представлены как символы различных форм душевной деятельности, различных психологических функций. Это активно оперирующее символами и поэтому неоднозначное видение государства может быть использовано в качестве модели психических функций, ориентированных объективными задачами [18, с. 80].

Термин «объективная задача» имеет основополагающее значение для Анны Тумаркиной не только в отношении психологии. Значение объективной задачи состоит не в том, что она задана человеку кем-либо, а в том, что она признается самим человеком в ее объективном праве [18, с. 82]. В качестве примера Тумаркина обращается к математике: смысл математической задачи лежит не в том, что она была поставлена ученику учителем или учебником, а в том, что данная задача объективно отражает какой-то математический факт. Другими словами, не «начальник» дает «подчиненному» обязанности и руководящие принципы, а, скорее, каждый человек имеет в себе самом в равной степени понимание и обязательство. По отношению к государству это означает, что демократическая система более адекватна, чем диктатура, поскольку при демократии руководящие принципы вытекают из объективной задачи — идеи хорошего государства — и меньше зависят от личных интересов властителей.

* * *

Мы уже говорили о том, какую мучительную боль принесли Анне Тумаркиной события Второй мировой войны. Однажды она написала: «Есть страдания, которые невозможно успокоить... и тогда мы просто плачем, оставаясь одни» [17, с. 22]. Уже после ее смерти профессор Альберт Дебруннер писал: «Хотя она мало говорила об этом, близкие люди чувствовали, как тяжело она переносила все то, что было связано с немецкой и румынской оккупацией, с депортацией

и гибелью ее родных в газовых камерах» [8, с. 171]. Невозможно представить, что Тумаркина, посвятившая свою жизнь философским исследованиям, не задавалась вопросом: почему гитлеровский национал-социализм смог стать настолько могущественным и жестоким в Германии, стране великих философов? В чем заключалась особенность немецкой идеалистической философии, проявившаяся в том, что такие мыслители, как Хайдеггер, обратились к нацизму? (Немецкий политик Норберт Рёттген называет философский идеализм «счастливым случаем в истории немецкого духа», но при этом он находит в нем некоторые опасные элементы — например, «мечтательные черты», — которые и сделали возможным искажение идеализма национал-социалистами (см.: «Der Idealismus: europäische Chance oder deutsches Verhängnis?» Tagung der Konrad-Adenauer-Stiftung vom 3. Juni 2009.) К сожалению, этот важный вопрос если и обсуждается, то крайне редко.) Однако, в публикациях Тумаркиной нам не удалось найти высказываний на эту тему.

Вместо непосредственной полемики с гитлеризмом Анна Тумаркина обратилась к работе над своей последней книгой, в которой она попыталась связать воедино свой личный опыт общения со швейцарцами и размышления о развитии и своеобразии швейцарского философского мышления: «Суть и становление швейцарской философии» — эта книга была издана в 1948 г., за три года до ее смерти. В этой работе мы можем найти косвенные ответы на вопрос, почему швейцарцы, в отличие от многих немцев, оказались более устойчивыми к влиянию идеологии нацизма. (Немецкий писатель Гюнтер Грасс считал, что спокойный нрав швейцарцев «предотвращает появление крайне опасных политиков» (статья Г. Грасса, журнал *Der Spiegel*, 11.08.1969).).

Некоторые рецензенты данного сочинения не скрывали своего удивления, поскольку считали, что швейцарской философии вообще не существует. («Большинство швейцарских историков-философов подчеркивают, что существует “философия в Швейцарии”, но не “швейцарская философия”» [6, с. 163]. Но интересно, что швейцарский философ Генрих Барт отзывался с одобрением о книге Тумаркиной, показавшей, что, вопреки широко распространенному предубеждению, Швейцария не является «безнадежным случаем в области философии» [8, с. 172].) И действительно, невозможно назвать ни одного швейцарца, создавшего всеохватывающую философскую систему. С чем это может быть связано? Неужели швейцарцы не способны мыслить абстрактно и систематично? Нет, считает Анна Тумаркина, дело не в этом, ведь в таких областях, как математика, правосудие, педагогика, швейцарцы блестяще показали умение мыслить именно таким образом. Скорее всего, причина кроется в своеобразии швейцарского мышления, которое мало интересуется, или вообще не интересуется исчерпывающими мыслительными системами, поскольку такие системы часто имеют догматическую окраску и мало соответствуют яркой и разнообразной жизни. Жизнь, пишет Анна Тумаркина, «похожа на бабочку, которую невозможно схватить, не сбив пыльцу с ее крылышек» [18, с. 19]. Чтобы защищать «бабочку», а не убивать ее «грубыми пальцами» какой-либо всеохватывающей мыслительной конструкции, требуется особое философское мышление, чувствительное и чуткое к реальной жизни, но при этом лишённое чрезмерной сентиментальности, трезвое и критичное к самому себе. Такое

мышление как раз и характерно для швейцарцев, поэтому, по мнению автора, швейцарская философия, безусловно, существует. Ее представителями являются многие выдающиеся мыслители, о которых Анна Тумаркина подробно пишет в своей книге. (В книге Тумаркиной швейцарскую философию представляют следующие мыслители и политики: Ульрих Цвингли (теолог, реформатор), Беат фон Муральт (теолог, юрист, публицист), Никлауз Мануэл (поэт, художник, политик), Иоахим Вадиан (врач, историк, реформатор), Альбрехт фон Галлер (врач, естествоиспытатель, поэт, основатель современной физиологии, первый врач-естествоиспытатель в современном смысле слова [medviki.com], ученый-энциклопедист), Иоанн Георг Зульцер (теолог, философ-эстетик, математик, педагог, автор знаменитой энциклопедии «Allgemeine Theorie der schönen Künste»), Жан Жак Бурламаки (теоретик права и политики, философ), Иоганн Генрих Песталоцци (педагог), Жан-Пьер де Круза (философ, математик, педагог). Интересно, что Тумаркина считала Жан-Жака Руссо, швейцарца по рождению, «совсем не швейцарским мыслителем» (S. 107).)

Анна Тумаркина высоко ценила реалистичное и демократическое мышление швейцарцев. Его суть состоит в том, чтобы защищать каждого отдельного человека от любых притеснений со стороны правителей и относиться к нему серьезно, независимо от его социального положения и образования. Тумаркина полностью разделяла точку зрения швейцарского философа и педагога Иоганна Георга Зульцера (1720–1779), писавшего: «Различие социальных положений — это изобретение человека, которого природа не знает» [10, с. X; 30, с. 132], — подобное отношение к людям она также находила в трудах своих великих кумиров — Платона и Канта (см., напр.: «Славословия тиранам или царям он [философ] слушает так, как если бы хвали пастухов, тех, что пасут свиней, овец или коров, за богатый удой... Если же воспевают знатный род, что-де кто-то насчитывает семь колен богатых предков, то он считает это сомнительной похвалой недалеких людей» (Теэтет. 174d). И у Канта происхождение его философии практического разума лежит «в уважении к “простому человеку”» [26, с. 193]).

Это уважение ко всякой жизни, какой бы маленькой она ни была, присущее швейцарскому мышлению, очень впечатлило Тумаркину. Она с одобрением цитирует следующие восторженные слова Зульцера:

О самых обычных людях Бог заботится так же, как и о высочайших гениях. Лейбницу Он подал царство истины, Ньютону даровал звездное небо, а для всех остальных Он создал многообразные вещи, расположил их перед ними таким образом, чтобы каждый мог получить необходимое согласно своей природе — точно так, как Он кормит презренных червей не хуже, чем львов [26, с. 86].

Подобное отношение к жизни и к отдельному человеку Анна Тумаркина нашла и у швейцарского реформатора Ульриха Цвингли, труды которого она оценивала очень высоко и который даже «очаровал» ее. Она восхищалась верой Цвингли в евангельскую заповедь любви, внутренней истинностью этой веры, и его подлинным философским духом [30, с. 55].

Скажем несколько слов об этом столь близком Анне Тумаркиной человеку, поскольку он, к сожалению, намного менее известен, чем Лютер и Кальвин

(к Кальвину, реформатору Женевы — кстати, не швейцарского происхождения, — Тумаркина относилась далеко не столь положительно, его религию она называла «мрачной» [30, с. 97]). Цвингли был сыном фермера, получившим безупречное гуманитарное образование — он учился несколько лет в Базеле, где преподавал Эразм Роттердамский, с которым он пребывал в тесном контакте. Имея блестящую память, Цвингли мог процитировать наизусть Новый Завет на греческом языке и знал иврит лучше, чем Лютер. Он часто цитировал греческих и римских философов, особенно Платона, Плиния и Сенеку, и заявлял, что некоторые из их слов можно назвать божественными, ибо Истина всегда от Бога, независимо от того, где, когда и кто ее провозгласил («*Et qui ratione hac intellectu a sensibilibus ad invisibilis dei contemplationem ascendit, Paulo teste, rem deo ac se dignam atque proficuam non sine luce numinis agit. Audeo igitur et divinum adpellare, quod a gentilibus mutuatum est, si modo sanctum, religiosum ac irrefragabile sit; id enim a solo deo esse oportet undecunque*» [34, с. 110]). Цвингли был убежден, что даже простой человек нередко понимает слово Божие лучше, чем профессиональный богослов («Представь себе, что какой-то ремесленник, не говорящий на иностранном языке и не имеющий высшего образования, диспутирует с каким-то старшим учителем, сведущим по многим предметам, — здесь вовсе не предreshено, кто из них лучше понимает Божественную Истину и более верно толкует Божественное Слово» [33, с. 90]).

В своей книге Анна Тумаркина уделяет большое внимание отношению между религией и политикой, о чем много говорил Цвингли (см. прежде всего вторую главу книги «Суть и становление швейцарской философии», где Тумаркина подробно излагает особенный характер швейцарской реформации. Там мы читаем, например, что Цвингли «понимал общее религиозное предназначение человека, как оно выражает евангельское заповедь любви, не только в узком смысле личных отношений человека с его ближним, но и в более широком смысле религиозно обоснованного политического сообщества» [30, с. 36]). Он подчеркивал, что государственная власть необходима во избежание анархии и чрезмерного индивидуализма, которые делают невозможным нормальное сосуществование граждан. Поэтому каждый христианин должен подчиняться властям. Но в то же время Цвингли отмечал, что надо постоянно проверять законность государственной власти и в случае необходимости иметь возможность поставить ее в законные пределы. И здесь особенно важна роль религии: все верующие, а не только священники и богословы, обязаны обеспечить рассмотрение действий власти с точки зрения их соответствия божественным заповедям. Цвингли считал простого ремесленника не менее важным, чем ученого эксперта, и стремился, чтобы каждый гражданин мог самостоятельно мыслить и судить. Гражданин — это не подданный, а свободный человек, который несет ответственность за формирование государственного порядка («Истина освободила нас, поэтому мы действительно свободны — Христос освободил нас! Как освободившийся раб мог бы снова склониться под рабским ярмом?» — «*Veritas liberavit nos, ergo vere liberi sumus; filius liberavit. Quomodo poterit servus servituti iterum subiugare?*» [32, с. 272]).

Анна Тумаркина в своей книге уделяет особое внимание стремлению Ульриха Цвингли прочесть книгу природы, ибо «не только человек суть бо-

жественного рода, но и все существа имеют божественное происхождение, несмотря на то, что одно из них мы называем более благородным или знатным, чем другое» («Nec solus homo divini generis est, sed universae creaturae, quamvis alia sit alia nobilior aut magis ingenua» [34, с. 104]). Обращая свой взор на красоту пейзажа, на многочисленных живых существ, швейцарский мыслитель писал: «Во всякой природе мы чувствуем — не меньше, чем в человеке — присутствии божественной силы, через которую они существуют, живут и движутся» («In his igitur non minus quam in homine divinae virtutis praesentiam, qua existunt, vivunt et moventur, deprehendimus» [34, с. 105]). Цвингли ссылается здесь на Деяния св. Апостолов 17: 27, 28: «Он и недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: “мы Его и род”». Ср. также: Платон. Тимей. 92с: «Наш космос стал видимым живым существом, объемлющим все видимое, чувственным богом, образом бога умопостигаемого...»).

Характерные свойства швейцарского философского мышления Тумаркина рассматривает, в частности на примере особенного, даже уникального типа Просвещения, который существенно отличается от Просвещения в других странах. Тумаркина писала:

Вообще швейцарское Просвещение отличается тем, что оно не признает пропасти между народом, который должен быть просвещен, и высшим просветителем, оно обращено просто к Человеку — равному среди всех сословий и призваний, чье собственное предназначение должно быть осознано им самим. В этой идее заключается особенное значение швейцарского Просвещения и его наследие для современного образования: оно, в первую очередь, выдвигает требование о том, чтобы образование не являлось привилегией для избранных, а предоставлялось всем людям равным образом. Швейцарец, который чувствует себя прежде всего продолжателем просветительских идей во всех сферах своей духовной деятельности, верно сохраняет это наследие, которое имеет большое воспитательное значение. Швейцарское Просвещение, пронизанное сознанием ответственности по отношению к жизни всякого живого существа, пустило глубокие корни в духовную жизнь этой маленькой страны, сформировав швейцарский национальный дух — в противоположность романтизму с его пассивностью по отношению к многообразию реальной жизни, не оставившему в духовной истории Швейцарии практически никакого следа [26, с. 39].

Последний труд Тумаркиной «Суть и становление швейцарской философии» является очень верным, сочувствующим и удивительно проникновенным описанием швейцарского мышления и миропонимания. В этой книге она остается верной своему стремлению принимать другого философа, другую культуру, другое мировоззрение непредвзято, серьезно и с искренним пониманием — что является для нас достойным подражания наследием первой в Европе женщины-профессора.

* * *

Как мы уже упоминали, Анна Тумаркина, прожившая большую часть своей жизни в Швейцарии, никогда не забывала Россию — свою первую родину. Однажды, на вопрос о ее новом гражданстве, вначале выразив благодарность

Швейцарии, она ответила следующее: «Это не значит, что я забыла свою первую Родину, и в других обстоятельствах я не хотела бы отказаться от юридической принадлежности к ней, особенно имея в виду, что эта Родина в настоящее время находится в руинах» [8, с. 171]. В одной из статей Анны Тумаркиной мы находим проникновенные строки, посвященные особенностям русской души, которая, по ее словам, является «загадочной для западноевропейцев». Тумаркина увидела в душе русского человека таинственное сосуществование душевных противоречий — глубокой религиозности и ненасытной жажды жизни, земной тяжести и светлого благочестия. В этой трагической противоречивости может скрываться опасность падения в хаос, но отсюда же проистекает источник глубоких, неисчерпаемых сил. И Анна Тумаркина всегда верила, что русский народ плодотворно использует эти противоречивые духовные черты и непременно «найдет выход из хаоса в космос жизни» [21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бургер Д. Ч. Анна Тумаркина, первая женщина-профессор в Швейцарии // Наша Газета. — 12.05. 2010. — URL: <http://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/9772>
2. Гордон Г. О. Из воспоминаний о Г. И. Челпанове // Вопросы Психологии. — 1995. — № 1.
3. Диксон В. Г. Швейцария и швейцарцы. — СПб.: Типография А. Моригеровского, 1872.
4. Фигнер В. Запечатленный труд. Воспоминания: в 2 т. — М.: Издательство социально-экономической литературы, Мысль, 1964. — Т. 1.
5. East European Jews in Switzerland, ed. by Tamar Lewinski and Sandrine Mayoraz // New Perspectives on Modern Jewish History / ed. by Cornelia Wilhelm. — Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2013. — Vol. 5.
6. Jánoska J. Die Methode der Anna Tumarkin, Professorin der Philosophie in Bern // Der Eigensinn des Materials: Erkundungen sozialer Wirklichkeit: Festschrift für Claudia Honegger zum 60. Geburtstag. — Frankfurt am Main: Stroemfeld, 2007.
7. Müller G. E. Erinnerung an Anna Tumarkin 1875–1971 // Der Kleine Bund. — 16. März 1975.
8. Rogger F. Der Doktorhut im Besenschränk. — Bern: eFeF-Verlag, 1999.
9. Rogger F. Kropfkampagne, Malzbonbons und Frauenrechte // Berner Zeitschrift für Geschichte und Heimatkunde. — 2002. — N64.
10. Sulzer J. G. Versuch von der Erziehung und Unterweisung der Kinder. — Zürich: Conrad Orell, 1748.
11. Tumarkin A. Herder und Kant. — Bern: A. Siebert, 1896.
12. Tumarkin A. Zur transcendentalen Methode der Kantischen Ästhetik. — Berlin: Reuther&Reichard, 1906.
13. Tumarkin A. Baruch Spinoza. — Leipzig: Quelle&Meyer, 1908.
14. Tumarkin A. Das kritische Problem in den vorkritischen Werken Kants. — Heidelberg: C. Winter, 1908.
15. Tumarkin A. Kants Lehre vom Ding an sich // Archiv für Philosophie. I. Abteilung: Archiv für Geschichte der Philosophie. Neue Folge. — 1909. — XXII. Bd., 3. Heft.

16. Tumarkin A. Dichtung und Weltanschauung // Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur. — 1919 / 1920. — Bd. VIII.
17. Tumarkin A. Die romantische Weltanschauung. — Bern: P. Haupt, 1920.
18. Tumarkin A. Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Psychologie. — Leipzig: Felix Meiner, 1923.
19. Tumarkin A. Die Idealität der ästhetischen Gefühle. — Leipzig: R. Voigtländer, 1925.
20. Tumarkin A. Die Einheit des platonischen Phädrus // Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung. — 1. Jahrgang 1925. — S. 17–31.
21. Tumarkin A. Die Lieder der Kosaken // Der Bund. — 27.11.1925.
22. Tumarkin A. Der Unsterblichkeitsgedanke in Platos «Phädon» // Rheinisches Museum für Philologie N. F. 75. — 1926. — S. 58–83.
23. Tumarkin A. Das Apollinische und das Dionysische in der griechischen Philosophie // Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung. — 1. Jahrgang 1927. — S. 257–267.
24. Tumarkin A. Ein Blick in das Geistesleben der Schweizer Frauen einst und jetzt. — Bern: F. Pochon-Jent, 1928.
25. Tumarkin A. Die Methoden der psychologischen Forschung. — Leipzig; Berlin: B. G. Teubner, 1929.
26. Tumarkin A. Der Ästhetiker Johann Georg Sulzer. — Frauenfeld; Leipzig: Huber, 1933.
27. Tumarkin A. Ein Versuch, Diltheys Leben aus ihm selbst zu verstehen. — Basel: Helbing&Lichtenhahn, 1934.
28. Tumarkin A. Die Methode und die Grenze der Methode bei Plato // Travaux du IXe Congrès international de Philosophie. — Paris 1937.
29. Tumarkin A. Die Kunsttheorie von Aristoteles im Rahmen seiner Philosophie // Museum Helveticum. — 1945. — Vol. 2. — S. 108–122.
30. Tumarkin A. Wesen und Werden der schweizerischen Philosophie. — Frauenfeld: Huber, 1948.
31. Zwahlen R. M. Anna Tumarkin und die sachlichen Schweizer // Schweiz Russland. — 2014. — N3.
32. Zwingli U. Apologeticus Archeteles // Huldreich Zwinglis sämtliche Werke. Berlin: Schwetschke, 1905. Vol. 1.
33. Zwingli U. Antwort eins Schwytzerpuren über die ungegründeten geschrift meyster Jeronimi Gebwilers, schuolmeisters zuo Straßburg, die er zuo beschirmung der römischen kilchen und iro erdachten wesen hat lassen ußgon // Huldreich Zwinglis sämtliche Werke. — Leipzig: Heinsius, 1914. — Vol. 3.
34. Zwingli U. Ad illustrissimum Cattorum principem Philippum, sermonis de providentia dei anamnema // Huldreich Zwinglis sämtliche Werke. — Zürich: Theologischer Verlag, 1983. — Vol. 6.3.